

поддерживать потому, что Богу подобает приписывать все совершенства, которые мы только можем помыслить.

Аналогичные замечания можно высказать по поводу всех атрибутов Бога. Мы не способны доказать, что Он — Высшее бытие и что Он всемогущ; мы не обладаем надежным знанием о том, знает Бог или не знает, желает или не желает существ помимо Него; ничто не позволяет нам утверждать, что Он — опосредствованная или непосредственная причина действий, совершаемых творениями. Все эти утверждения непреложны с точки зрения веры, и разум не противоречит им, но он способен лишь привнести дополнительную вероятность в их пользу, однако не может предоставить нам доказательства. С другой стороны, если рассматривать природу Бога с точки зрения теологии, то мы увидим, насколько пусты все различия, на основе которых выдвигаются эти проблемы. Разумение, воля, знание, могущество суть божественные атрибуты, то есть не совершенства, сколь бы мало ни отличались они от божественной сущности, а имена атрибутов («*nomina attributalia*»), которые мы присваиваем Богу. Отцы Церкви были правы, говоря о «божественных именах» и никогда — о «божественных атрибутах». В самом Боге нет ни различных атрибутов, ни, следовательно, порядка между этими атрибутами; ни разумение не возвышается над волей, ни наоборот, ибо на самом деле в Нем нет ни разумения, ни воли. Это — имена, которые мы даем божественной сущности исходя из ее действий и их результатов.

Строго применяя свой критерий рациональной основательности, Уильям Оккам не менее глубоко, нежели теодицею, потрясает основы психологии. Первой жертвой его безжалостного устранения является нематериальная, субстанциальная душа, о которой все в один голос говорят, что мы наделены ею.

493.

3. Уильям Оккам

Оа самом же деле нет ничего, что побуждало *gb* к такому утверждению. Поскольку единственное надежное знание — это интуиция, то и относительно нашей души мы должны утверждать только то, что узнаём через интуицию. Но есть интуиция внутренняя и интуиция внешняя, причем знания, полученные с помощью первой так же надежны, как и полученные с помощью второй. И через непосредственный опыт, и интуитивно мы знаем радость и горе, а также наши волевые акты и совершаемые нами всевозможные интеллектуальные операции; но опыт не позволяет нам подняться выше. Как мы уже констатировали, интуиция ничему не учит нас относительно работы действующего интеллекта, которую считают необходимой для познания. У нас нет интуиции какого бы то ни было «понимания»: если это так, то ссылки на эту работу интеллекта слишком слабо обоснованы, чтобы вывести из нее наличие некой нематериальной субстанции, деятельностью которой она, собственно, и является. А если ничто не гарантирует нам существования этой нематериальной субстанции, то у нас нет никаких оснований придавать ей форму, которая была бы бессмертной и нетленной субстанцией. Так что ни один из этих тезисов не может быть доказан философски: совсем наоборот, если придерживаться только разума, не преступая черты данных веры, то следует, скорее, утверждать, что душа — это протяженная смертная форма. Если говорить совершенно откровенно, то мы даже не знаем, есть ли у нас нематериальная душа, которая была бы формой нашего тела. Ее существование нам не гарантирует ничто — ни опыт, ни разум: «*pop potest sciri evidenter per rationem vel experientiam, quod talis forma sit in nobis, nee quod talis anima sit in nobis, nee quod talis anima sit forma corporis. Sed ista tria solum fide tenemus*»*.